

УДК 343.1

ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОСОЗНАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ КАК ВЕКТОР РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

© 2025 г. М. А. Малина

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

E-mail: bestar@yandex.ru

Поступила в редакцию 14.06.2024 г.

Аннотация. В статье рассматривается проблема конкуренции уголовно-процессуальных задач в сфере взаимодействия публичных и индивидуальных начал при производстве по уголовному делу. Обосновывается вывод, согласно которому ее успешное решение зависит от обеспечения здесь нравственной направленности, ориентированности правосознания на достижение социальной справедливости (правосознание социальной направленности). В результате проведенного исследования устанавливается, что именно в суде с участием присяжных заседателей наилучшим образом происходит формирование у представителей населения и у правоприменителя правосознания социальной направленности. Поэтому в качестве одного из важных направлений совершенствования отечественной уголовно-процессуальной политики определяется наиболее полная реализация конституционного права граждан на участие в отправлении правосудия и воспитание на этой основе правосознания социальной направленности, что, в свою очередь, позволит приблизить уголовное судопроизводство к выполнению своего социального предназначения.

Ключевые слова: право, правосознание, уголовное судопроизводство, уголовно-процессуальная политика, нравственность, социальная справедливость, правосознание социальной направленности, суд с участием присяжных заседателей, правовое государство.

Цитирование: Малина М.А. Формирование правосознания социальной направленности как вектор развития российской уголовно-процессуальной политики // Государство и право. 2025. № 2. С. 82–92.

DOI: 10.31857/S1026945225020087

FORMATION OF LEGAL AWARENESS OF SOCIAL ORIENTATION AS A VECTOR OF DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN CRIMINAL PROCEDURE POLICY

© 2025 М. А. Malina

Southern Federal University, Rostov-on-Don

E-mail: bestar@yandex.ru

Received 14.06.2024

Abstract. The article examines the problem of competition of criminal procedural tasks in the field of interaction of public and individual principles in criminal proceedings. The conclusion is justified, according to which its successful decision directly depends on ensuring here the moral orientation of legal awareness to achieve social justice (social legal awareness). As a result of the study, it is established that it is in the court with the participation of jurors that the social awareness of the population and the law enforcement officer is formed in the best way. Therefore, as one of the important areas for improving the domestic criminal procedural policy, the most complete realization of the constitutional right of citizens to participate in the administration of justice and to educate on this basis a legal awareness of a social orientation is determined, which in turn will bring criminal proceedings closer to fulfilling their social purpose.

Key words: law, legal awareness, criminal proceedings, criminal procedure policy, morality, social justice, social awareness, jury trial, rule of law.

For citation: Malina, M.A. (2025). Formation of legal awareness of social orientation as a vector of development of the Russian criminal procedure policy // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 2, pp. 82–92.

Право является одним из важнейших социальных регуляторов общественных отношений. Моральные, психологические, культурные, интеллектуальные основания этого феномена служат такой аксиологической его направленности, при которой в государстве создаются наиболее благоприятные условия для совершенствования как самой личности, развития ее сознания, так и общества в целом. Право посвящено человеку, иначе оно бессмысленно, беспредметно. Его гуманистическая природа должна получить свое реальное воплощение в жизнь. Для этого содержащееся в праве «послание», телеологическая миссия права должны найти свой отклик, понимание у населения страны, и, наоборот, право должно формироваться с учетом соответствующих запросов общества.

Это возможно только при правильном, гармоничном соприкосновении права и правосознания, при их духовной, нравственной корреляции. Представляется, что выявление, исследование, познание их взаимообусловленности, взаимного влияния друг на друга¹ — важнейшее подспорье в деле справедливого, гуманного устройства общественной жизни, в деле построения в России правового государства. На самом общем уровне их взаимодействие видится следующим образом.

С одной стороны, право оказывает огромное влияние на формирование правосознания личности, определяют вектор его развития. По мере совершенствования, воспитания правосознания правовые установки, императивы, аксиомы отражаются во внутренних потребностях индивидуума, определяют его цели, мотивы, интересы, наполняют правосознание личности своим ценностно-идеологическим содержанием. Этот воспитательный импульс права, преломляясь в правосознании конкретного человека, материализуется в его добросовестном, правомерном поведении.

¹ Собственно, настоящее исследование посвящено поиску путей решения этой важнейшей задачи применительно к сфере уголовного судопроизводства.

С другой стороны, правосознание — один из ключевых элементов правовой системы государства, один из системообразующих ориентиров в организации механизма правового регулирования общественных отношений. Тем самым оно обеспечивает жизнеспособность права, делает его живым. Здесь развитое правосознание выступает в качестве мотивирующей силы, стимула в реализации права, и вместе с тем одним из важнейших источников обратной связи для законодателя. Зрелое, или, как писал известный отечественный правовед-философ И.А. Ильин, «здоровое»², правосознание является одним из необходимых условий укрепления социальной правовой государственности и формирования правовой политики государства, гарантией достижения в общественной жизни законности и правопорядка.

В самом общем виде под правосознанием понимается отношение человека к праву, т.е. его мысли, взгляды, убеждения, а также чувства, эмоции, переживания относительно действующего и желаемого права. Но право обширно, многогранно, и здесь мы остановимся на той его части, которая имеет публичный характер, где во главу угла поставлены интересы общества³. Государство их аккумулирует, они получают свое законодательное закрепление, и тем самым социальные потребности обретают правовую охрану. Это особенно важно в сфере защиты общества от преступных посягательств, т.е. в сфере действия уголовного права и процесса. Выдающийся дореволюционный процессуалист И.Я. Фойницкий указывал на то, что именно в уголовном судопроизводстве рассматриваются «вопросы о наиболее важных благах общества и личности»⁴.

² Ильин И.А. О сущности правосознания. М., 1993. С. 151.

³ Соответственно, и феномен правосознания будет рассматриваться в первую очередь в публично-правовом контексте.

⁴ Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1996. Т. I. С. 8.

Следует обратить внимание на представленную здесь дихотомию: речь идет не только о публичном интересе, но и о потребностях, интересах персональных. Эта двойственность имеет принципиальное значение в организации уголовного процесса, причем в глобальном смысле — независимо от принадлежности государства к какой-либо правовой семье. И дело здесь вот в чем.

В целом вся уголовно-процессуальная деятельность сводится к разрешению вопросов материального права: был ли нарушен уголовно-правовой запрет и если был, то какое необходимо назначить виновному наказание. Собственно, эти вопросы о преступлении и наказании являются существом уголовного дела, для их справедливого разрешения и нужен уголовный процесс. Об этом в свое время метко высказался Н. Н. Полянский, определив в качестве цели уголовного судопроизводства установление в каждом конкретном случае наличия или отсутствия у государства права на наказание виновного в совершении преступления лица⁵. При этом ввиду общественной опасности преступного посягательства на первый план законодатель выносит защиту публичного интереса, отдает приоритет именно ему. Отсюда берет начало и принудительный характер уголовного судопроизводства: независимо от воли частных лиц они должны исполнять свои процессуальные обязанности. То есть в силу принципа публичности весь уголовный процесс словно пропитан принуждением — без этого невозможно было бы расследовать и разрешить ни одно дело, а значит, и защитить общество⁶ от преступных посягательств.

Вместе с тем следует посмотреть на ситуацию и под другим углом — с позиции частных лиц, вовлекаемых в производство по конкретному уголовному делу. Они наделяются здесь соответствующими процессуальными обязанностями, и, как было показано выше, возникает реальная возможность применения к ним разнообразных мер принуждения (в самом широком смысле). Тогда на первый план выходит задача определения максимально точных «дозировок» такого принудительного воздействия, задача защиты индивидуальных прав и свобод в ходе уголовного процесса.

Особенную остроту эта проблема приобретает по отношению к фигуре обвиняемого. И это понятно, ведь гипотетически под подозрение может попасть каждый член общества. Уголовный

процесс для того и нужен, чтобы достоверно установить то, что произошло в действительности, двигаясь, как отмечал в свое время М. С. Строгович, от «сомнений к несомненному, от вероятного — к достоверному, истинному»⁷. При этом в качестве ключевого концептуального основания обязанности обеспечить права обвиняемого выступает презумпция невиновности. В силу ее действия лицо априори считается невиновным, в первую очередь самим государством, это объективное требование закона⁸.

В целом уголовное судопроизводство может достигнуть своей цели только при достоверном установлении виновного и справедливом его наказании, при исключении, отказе от уголовного преследования и привлечения к ответственности невиновных лиц. Здесь уместно вспомнить известное высказывание, подчеркивающее важность этого вывода, причем в отношении судьбы всего государства в целом: «Есть два способа разложить нацию — наказывать невиновных и не наказывать виновных»⁹. Поэтому жизненно необходимо не выпускать из виду права частных лиц, права обвиняемого¹⁰ — это вторая часть исследуемой дихотомии «общество—личность».

Получается, что надлежащим образом организованный уголовный процесс должен быть направлен, с одной стороны, на достоверное установление всех обстоятельств произошедшего¹¹, на выявление и наказание действительно виновных (публичный интерес) и, с другой — на минимальное, строго выверенное ограничение прав частных лиц, в том числе и самого обвиняемого (частный интерес). Исходя из этого следует сделать вывод о разновекторности, разнонаправленности уголовно-процессуальных задач, их конкуренции в сфере соприкосновения, взаимодействия публичных и индивидуальных начал. Так, нужно раскрыть опасное преступление и обеспечить при этом права и свободы подозреваемого в его совершении лица; наряду с осуществлением уголовного преследования обвиняемого, наряду с пресечением

⁷ Строгович М. С. Право обвиняемого на защиту и презумпция невиновности. М., 1984. С. 87.

⁸ См.: Головкин Л. В. Презумпция невиновности и англо-американский уголовный процесс: проблемы совместимости // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 4. С. 34.

⁹ Матузов Н. И. Правовой нигилизм как образ жизни // Вестник СГЮА. 2012. № 4. С. 26.

¹⁰ Естественно, такой подход в полной мере соответствует и публичному интересу: ни один член общества не захочет подвергнуться незаконному и необоснованному уголовному преследованию или несправедливому наказанию.

¹¹ Подробнее об этом см.: Ляхов Ю. А. Агностицизм не может быть в основе справедливого судопроизводства // Государство и право. 2018. № 11. С. 126—129.

⁵ См.: Полянский Н. Н. Цель уголовного процесса. Ярославль, 1919. С. 21.

⁶ В целом публичный интерес понимается как результат обобщения идеи о том, что никто не хочет быть ограблен, избит, убит и т. д. Это совокупность прав и свобод, интересов неопределенного круга лиц, т. е. здесь мы говорим об обществе в абстрактном смысле.

любой его возможности уклониться от следствия и суда необходимо одновременно предоставить ему самые широкие возможности для защиты и т.д. Налицо, так сказать, двуединое начало уголовного судопроизводства, разноплановость его социального предназначения, направленного одновременно на защиту и публичных, и частных интересов¹².

В свое время этот феномен получил свое доктринальное осмысление в работах американского юриста Г.Л. Пакера. Здесь особенного внимания заслуживает известная научная статья “Two models of the criminal process” («Две модели уголовного процесса»), где автор в качестве первой из них определяет модель “Crime Control”, или модель «Контроль над преступностью», противопоставляя ее модели “Due Process” (модель «Надлежащий судебный процесс»)¹³. Рассмотрим кратко основную идею.

Модель *Crime Control*. Здесь уголовный процесс направлен в первую очередь на защиту публичного интереса, то есть в рассматриваемой дихотомии «общество и личность» приоритет безоговорочно отдается первой ее части. Причем крен в эту сторону представлен в радикальном ключе: частные права и свободы отходят на второй план и нормальной представляется ситуация, когда они могут быть принесены в жертву в угоду интересам общества, их всемерной защиты.

Модель *Due Process* утверждается в прямо противоположном ключе. Здесь ее концептуальным, системообразующим основанием выступает идея о первостепенной значимости задачи обеспечения и защиты процессуальных прав частных лиц, вовлеченных в уголовный процесс. То есть речь идет о необходимости предоставить им максимальный объем соответствующих гарантий. Особое значение это имеет в отношении обвиняемого и его полномочий в сфере защиты от уголовного преследования. То есть в рамках уголовного судопроизводства акцент смещается в сторону частных, личных интересов, их неукоснительного соблюдения и наивысшей процессуальной охраны¹⁴.

Налицо конфликт интересов, конфликт ценностей при столкновении общественных и индивидуальных начал¹⁵. Соответственно, возникает вопрос о способах его разрешения. Эта задача может быть выполнена только через достижение консенсуса,

причем на уровне уголовно-процессуальной политики. Говоря о последней, А.Н. Савенков отмечает: это важная составляющая уголовной политики в целом, направляющей деятельность «публичной власти в сфере защиты наиболее значимых для личности, общества и государства благ, законных интересов и общественных отношений»¹⁶. Именно в сфере выработки уголовно-процессуальной политики, в сфере ее формирования осуществляется определение приоритетов такого развития уголовного процесса, при котором оптимальным образом решается проблема аксиологической конкуренции защищаемых государством общественных и частных интересов. В целом можно говорить о поиске баланса между двумя направлениями уголовно-процессуальной политики — жесткой борьбой с преступностью и всемерной защитой прав человека¹⁷.

В отношении нашего государства мы ранее предлагали подход к решению этой проблемы: необходимо включение в предмет ее исследования нравственных оснований российского уголовного процесса¹⁸. Напомним кратко основные положения и выводы.

Нравственность следует рассматривать в качестве определенной системы объективно установленных социальных норм, регулирующих соответствующим образом поведение людей. Эти правила «служат критериями оценки их поступков с точки зрения добра и зла, достоинства и порока, справедливости и несправедливости и т.д.»¹⁹. Вместе с тем нравственность неразрывно связана с нравственным сознанием — с категорией уже субъективного характера (мировоззрения, убеждения человека, его мнение о правильном и неправильном, о добре и справедливости и т.д.).

С определенной долей условности нравственность и право, ввиду их прочной телеологической и аксиологической связи, можно рассматривать как классы рода и вида соответственно. Тогда нравственное сознание в силу своей «генетической» сопряженности с нравственностью (с категорией рода) должно занять свое место и в преломлении к правовой сфере (к видовой категории). Соответственно, как нравственность выполняет роль одного из ключевых оснований права, наполняет его своим духовным, идеологическим содержанием,

¹² См.: Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. М., 2021. С. 55.

¹³ См.: Packer H.L. Two models of the Criminal Process // University of Pennsylvania Law Review. November, 1964. Vol. 113. No. 1. P. 6.

¹⁴ Естественно, эти модели в реальности взаимодействуют друг с другом и не встречаются в «чистом» виде, вряд ли сегодня можно встретить такой уголовный процесс, где была бы установлена абсолютная гегемония одной из них.

¹⁵ См.: Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. С. 56.

¹⁶ Савенков А.Н. Вопросы совершенствования уголовного права, процесса и уголовно-правовой политики // Государство и право. 2018. № 3. С. 9.

¹⁷ См.: Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. С. 57.

¹⁸ См.: Малина М.А. Нравственные основания российского уголовного процесса // Государство и право. 2024. № 1. С. 141–146.

¹⁹ Строгович М.С. Проблемы судебной этики. М., 1974. С. 7.

так нравственное сознание должно находить свое отражение в правосознании.

Таким образом, можно доказать существование в сфере взаимодействия права и правосознания их неразрывной связи нравственного характера. В целом эти два феномена имеют, так сказать, общую моральную²⁰ природу. Естественно, особую важность эта их духовно-нравственная корреляция приобретает в сфере уголовного судопроизводства, где, как уже отмечалось, «ставки» максимально высоки. Полагаем, что укрепление взаимосвязи, взаимодействия нравственных начал уголовно-процессуального права и правосознания участвующих в уголовном судопроизводстве должностных и частных лиц, их нравственная синхронизация послужат достижению консенсуса между публичным и частным интересом, позволят приблизиться здесь к искомому компромиссу.

В развитие ранее предложенного нами подхода отметим следующее. Выше мы указывали на необходимость выявления взаимообусловленности, взаимного влияния друг на друга права и правосознания. В уголовном судопроизводстве это взаимодействие должно происходить прежде всего через нравственные «каналы связи», позволяющие правоприменителю уловить, распознать и воплотить в жизнь нравственный посыл, волю законодателя, а значит — и самого общества. Только в этом случае в уголовном процессе возможно достижение справедливости — а это и есть нравственный посыл общества, его воля и вместе с тем одна из самых главных его потребностей.

Действительно, если с этой точки зрения посмотреть на назначение уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ), то становится ясно, что законодатель делает акцент на его социальной предназначенности, на принципиальном уровне²¹ закрепляет необходимость удовлетворения общественных ожиданий от уголовного процесса. Повторим, наиболее остро здесь стоит запрос общества на справедливость. Следует согласиться с О.Л. Васильевым, который писал о справедливости как о центральном принципе уголовного процесса — он является при этом «руководящей, основополагающей, нормативно выраженной нравственной идеей»²².

²⁰ Вопрос соотношения морали и нравственности является дискуссионным, поэтому следует отметить, что эти термины используются здесь как синонимы (в ключе традиционного подхода).

²¹ Отнюдь не случайно законодатель поместил ст. 6 УПК РФ в главу, посвященную принципам уголовного судопроизводства, причем на первое место в их перечне.

²² Васильев О.Л. Теоретические аспекты действия принципа справедливости на досудебных стадиях российского уголовного процесса: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018. С. 11.

Таким образом, приходим к выводу: нравственная скоординированность, взаимодействие уголовно-процессуального права и правосознания должны получить в уголовном судопроизводстве свою четкую направленность, установку на достижение главной цели — удовлетворение запроса общества на справедливость.

При этом первостепенную, ключевую роль здесь играет именно правосознание, ведь правотворчество и правоприменение осуществляются человеком — без его правовой психологии, правовой идеологии эти процессы невозможны. Они имеют гуманистическую природу, осуществляются людьми и для людей. Поэтому успех в деле построения оптимальной, сбалансированной модели российской уголовно-процессуальной политики напрямую зависит от обеспечения нравственной направленности, ориентированности правосознания на достижение социальной справедливости. Здесь правосознание входит в режим повышенной аксиологической «нагрузки», происходит духовно-нравственная перенастройка, активизация его психологических, идеологических компонентов. Назовем этот феномен правосознанием социальной направленности.

Как писал И.А. Ильин, «право нуждается в правосознании, чтобы стать творческой силой»²³, от себя добавим, что в нашем случае сила эта должна быть направлена на защиту общества, его интересов, на удовлетворение его социальных запросов. Именно в таком правосознании — в правосознании социальной направленности нуждается российское уголовно-процессуальное право, общество, государство. Тогда возможен справедливый, гуманный, нравственный уголовный процесс, в котором заинтересованы как общество в целом, так и каждый его член в частности. В таком понимании ключевых для уголовного судопроизводства ценностей мы не одиноки. Так, один из первых исследователей современной российской уголовно-процессуальной политики Ю.А. Ляхов называл гуманизм, демократизм, социальную справедливость в качестве ее сущности²⁴.

По нашему мнению, основной вектор совершенствования российской уголовно-процессуальной политики следует определить так: национальное уголовное судопроизводство должно опираться на правосознание социальной направленности, способствовать его развитию, воспитанию и на этой основе служить полноценному удовлетворению духовно-нравственных запросов общества и личности, их потребности в гуманизме и социальной

²³ Ильин И.А. Теория права и государства. М., 2003. С. 175, 185.

²⁴ См.: Ляхов Ю.А. Новая уголовно-процессуальная политика. Ростов н/Д., 1992. С. 16.

справедливости в сфере борьбы с преступными посягательствами. При этом здесь следует обязательно учитывать, что идеология, основанная на гиперболизации личного в ущерб социальному, не может привести к развитию страны и общества.

Далее отметим, что в научной литературе правовую политику в большей степени принято рассматривать как деятельность по созданию эффективного механизма правового регулирования, направленного на обеспечение прав человека, утверждение законности, правопорядка, государственности, повышение правовой культуры²⁵ и т.д., т.е. скорее в институциональном ключе. Мы же предлагаем посмотреть на этот феномен, поставив во главу угла духовно-нравственный мир человека, его правосознание — правосознание социальной направленности. Важно отметить, что такой подход в определенной мере согласуется с позицией А.Н. Савенкова, указывающего на взаимосвязь уголовной политики с правовым сознанием граждан²⁶. В схожем духе высказался и Н.Н. Алексеев о правовой политике в целом, определив в качестве ее задачи «познание путей... одухотворения правовой жизни»²⁷.

Возникает закономерный вопрос: каким же образом можно воспитать, сформировать правосознание социальной направленности? Ввиду его ориентированности, нацеленности на достижение социальной справедливости представляется целесообразным исследовать далее этот феномен в суде с участием присяжных заседателей. Действительно, эта уникальная форма судопроизводства, позволяющая народу напрямую участвовать в отправлении правосудия по уголовным делам. Поэтому запрос общества на справедливость может быть удовлетворен здесь в полной мере, причем при непосредственном, деятельном его участии. Недаром с самого учреждения российского суда с участием присяжных заседателей его стали называть судом общественной совести²⁸.

Поэтому далее рассмотрим исследуемую нами дихотомию «общество и личность» применительно к этой модели суда.

Суд с участием присяжных заседателей на страже публичного интереса. В ст. 32 Конституции РФ закреплено право россиян участвовать в управлении делами государства. Одним из способов его воплощения в жизнь здесь является участие

граждан в отправлении правосудия. В полной мере это возможно в суде присяжных, где коллегия имеет свою собственную компетенцию — она отделена от профессионального судьи и самостоятельно разрешает основные вопросы уголовного дела (ч. 1 ст. 334 УПК РФ). Таким образом, приходим к следующему выводу: российский народ, осуществляя принадлежащую ему власть (ч. 1, 2 ст. 3 Конституции РФ), напрямую участвует в отправлении правосудия и тем самым непосредственно участвует в управлении делами государства²⁹.

При этом коллегия присяжных заседателей представляет собой «срез» нашего общества. Это, если угодно, носители социальной справедливости — в их лице государство предоставляет населению, народу возможность самостоятельно вершить правосудие. Вердикт присяжных ложится в основу приговора, определяет, так сказать, его социальное содержание. То есть, разрешая основные, ключевые вопросы уголовного дела (о доказанности самого деяния и совершения его подсудимым, о его виновности), присяжные защищают и общество, и самих себя.

Сразу отметим, что это возможно только при условии репрезентативности выборки при формировании коллегии. Иначе мы не получим объективного, непредвзятого состава присяжных, их решения не будут отражать мнение всего общества и коррелировать с требованиями социальной справедливости. Поэтому важной гарантией правосудности приговора является возможность инстанционной проверки законности состава коллегии, т.е. ее правовой и социальной доброкачественности, легитимности.

Судебная практика знает немало примеров, когда срабатывали эти процессуальные «фильтры». Так, Девятый кассационный суд общей юрисдикции своим определением от 5 марта 2024 г. № 77-375/2024 отменил обвинительный приговор и соответствующее апелляционное определение ввиду тенденциозности сформированной по делу коллегии присяжных заседателей. Дело было передано в суд первой инстанции на новое рассмотрение в ином составе³⁰. Еще пример. Основанием отмены приговора и соответствующего апелляционного определения Первым кассационным судом общей юрисдикции (определение от 12.05.2020 № 7У-4873/2020) выступило нарушение порядка составления списков кандидатов в присяжные

²⁵ См., напр.: Малько А.В. Правовая политика: актуальные проблемы исследования // Труды ИГП РАН. 2011. № 4. С. 62.

²⁶ См.: Савенков А.Н. Вопросы уголовной политики государства // Пробелы в рос. законодательстве. 2017. № 1. С. 170, 171.

²⁷ Алексеев Н.Н. Основы философии права. СПб., 1998. С. 205.

²⁸ См., напр.: Джанишев Г. Суд над судом присяжных. М., 1896. С. 3, 4.

²⁹ См. об этом: Ляхов Ю.А., Малина М.А. Сущность конституционного права гражданина на участие в отправлении правосудия // Северо-Кавказский юридический вестник. 2019. № 1. С. 130–138.

³⁰ См.: Кассационное определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 05.03.2024 № 77-375/2024 // В официальных источниках опубликовано не было.

заседатели: их фамилии были внесены туда в алфавитном порядке, что «противоречит указанию закона о составлении списка в порядке, определенном путем случайной выборки»³¹.

Следующая важная особенность: коллегия не мотивирует свой вердикт, что подтверждает высокую степень доверия государства суду присяжных в вопросе защиты публичного интереса. Естественно, это не позволяет проверить обоснованность приговора в суде апелляционной инстанции (ст. 389.27 УПК РФ). Что отнюдь не означает вседозволенности в деятельности народного элемента. В своих решениях присяжные опираются на представленные сторонами доказательства. В подтверждение этого приведем лишь несколько примеров: в принимаемой присяге содержится требование брать в расчет все представленные в судебном разбирательстве доказательства (ч. 1 ст. 332 УПК РФ); для исключения возможного предубеждения присяжных в отношении обвиняемого существенные ограничения наложены на исследование в их присутствии данных о его личности (ч. 8 ст. 335 УПК РФ); в напутственном слове председательствующий напоминает присяжным об исследованных доказательствах, разъясняет правила их оценки, смысл презумпции невиновности, информирует о недопустимости формирования их выводов на основании предположений и др. (ст. 340 УПК РФ); присяжным запрещается контактировать с посторонними лицами по вопросам, касающимся рассматриваемого уголовного дела, собирать какую-либо информацию вне рамок судебного разбирательства (ч. 2 ст. 333 УПК РФ).

Список примеров можно продолжить, но и так ясно, что привлечение в процесс представителей населения необходимо для наиболее полного установления всех фактических обстоятельств дела и решения на этой основе вопроса о виновности подсудимого. Важнейшая, ключевая функция присяжных — участие в доказывании, поэтому поставленные на их разрешение вопросы о деянии и совершении его именно обвиняемым начинаются со слов «доказано ли...» (ч. 1 ст. 339 УПК). В судебном разбирательстве создаются все необходимые условия для обеспечения всесторонности и тщательности рассмотрения и восприятия ими обстоятельств дела³². В процессе исследования и оценки доказательств огромное значение имеет совокупный жизненный опыт, здравый смысл присяжных, знание и понимание ими местных

условий жизни или, как метко выразился в свое время Л.Е. Владимиров, «народного быта»³³.

Следует отметить, что в компетенцию суда присяжных законодатель включает наиболее сложные, нестандартные уголовные дела (ст. ст. 30, 31 УПК РФ), влекущие максимально тяжелые для виновного лица последствия. Об этом сообщается присяжным в напутственном слове председательствующего: здесь раскрывается содержание уголовного закона, грозящего подсудимому наказания. Таким образом присяжные заседатели понимают, какая на них возложена ответственность, осознают всю важность своей миссии по охране публичного интереса, по защите общества от преступных посягательств.

Суд присяжных на страже интересов личности. В Конституции РФ суд с участием присяжных заседателей определяется в качестве гарантии права обвиняемого на жизнь — смертная казнь может быть ему назначена только при предоставлении возможности рассмотрения дела в данной форме судопроизводства (ч. 2 ст. 20 Конституции РФ). Естественно, такая мера к виновным не применяется, но представленный конституционный императив указывает на необходимость этой модели суда в разрешении наиболее тяжелых, сложных уголовно-правовых конфликтов, когда лицо может быть подвергнуто максимально строгому наказанию.

При этом и в уголовно-процессуальном законодательстве закрепляется особая роль этой формы судопроизводства для обвиняемого. Она имеет приоритет перед общим порядком уголовного процесса: если хотя бы один из обвиняемых выбрал суд с участием присяжных заседателей, то дело будет рассмотрено именно в таком составе, независимо от волеизъявления остальных лиц (п. 1 ч. 5 ст. 217; ч. 2 ст. 325 УПК РФ). То есть данная модель суда представлена здесь как особая гарантия обеспечения права обвиняемого на доступ к правосудию — с участием его сограждан.

Далее. Согласно ч. 6 ст. 343 УПК РФ в случае признания подсудимого виновным коллегия полномочна изменить обвинение в благоприятную для него сторону. При обвинительном вердикте присяжные также вправе указать, что подсудимый заслуживает снисхождения. Это решение является обязательным для председательствующего и влечет соответствующие юридические последствия (ст. 349 УПК РФ, ст. 65 УК РФ)³⁴.

³¹ См.: Кассационное определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 12.05.2020 № 7У-4873/2020 // В официальных источниках опубликовано не было.

³² См.: Насонов С.А. Судебное следствие в суде присяжных: законодательство, теория, практика. М., 2001. С. 29.

³³ Владимиров Л.Е. Суд присяжных: условия действия института присяжных и метод разработки доказательств. М., 2016. С. 57.

³⁴ Назначаемое в этом случае наказание не должно превышать двух третей от максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного уголовным законом.

Более того, присяжные заседатели вправе признать подсудимого невиновным при полной доказанности совершения им преступления. Такой феномен получил в мировой практике название «нуллификация закона» (*nullification of law*). Дело в том, что в этой форме судопроизводства вопрос о виновности подсудимого рассматривается в ином ракурсе — не в правовой плоскости (умысел, неосторожность, их виды и т.д.), а как мнение общества о необходимости наказания подсудимого за содеянное³⁵. В доктрине такой подход именуется как концепция «виновности — наказания»³⁶. Здесь уместно вспомнить оригинальное высказывание С.А. Пашина о праве народа через присяжных упрекнуть, «обвиновать» подсудимого³⁷. Г.Н. Ветрова также справедливо отмечает, что своим ответом на вопрос о виновности обвиняемого присяжные решают — вправе ли общество, государство привлечь его к уголовной ответственности³⁸. Отсюда и такое своеобразное название этого института — возможны случаи, когда требования социальной справедливости велят выйти за рамки установленных законом стандартов. В качестве хрестоматийного примера нуллификации закона можно вспомнить дело Веры Засулич³⁹.

Важная роль в обеспечении прав обвиняемого отводится в суде присяжных и профессиональному судье. Так, несмотря на обвинительный вердикт присяжных, он может признать подсудимого невиновным, распустить коллегию и направить дело на новое рассмотрение в ином составе суда (ч. 5 ст. 348 УПК РФ). Если присяжные заседатели не признали обвиняемого заслуживающим снисхождения, а председательствующий уверен в обратном, он может смягчить ему наказание в соответствии с положениями ст. 64 УК РФ (ч. 2 ст. 349 УПК РФ). Таким образом, председательствующий как бы боится обвиняемого от необоснованного обвинения присяжными или от чрезмерной, излишней репрессивности их решений. Мы видим одно из ярких проявлений в суде присяжных известной концепции *favor defensionis* (благоприятствование защите), причем именно со стороны судьи-профессионала. Здесь

уже он выступает гарантом социальной справедливости, проявляется его правосознание социальной направленности.

Далее предлагаем посмотреть на эту модель суда не с точки зрения ее юридической «архитектуры» и процессуальной логики, а с акцентом на человеческом содержании суда присяжных, в гуманистическом аспекте. Этот институт особенно ценен именно своей высокой социальной миссией, возможностью прямого воплощения в жизнь запроса общества на справедливость, народных духовно-нравственных начал. Именно благодаря этим свойствам суд присяжных способствует гармонизации взаимоотношений между личностью, обществом, государственной властью. Поэтому представленное выше размежевание публичных и индивидуальных начал в уголовном процессе, имеющее важное концептуальное значение применительно к его ординарному порядку, в этой форме судопроизводства призвано показать как раз отсутствие здесь конфликта общественных и частных интересов, их конкуренции. И дело здесь вот в чем.

В суде с участием присяжных заседателей публичный интерес представлен не в абстрактном смысле (как в ординарном порядке судопроизводства), а совершенно конкретно: коллегия это и есть общество. Оно встречается здесь с обвиняемым лицом к лицу или, если угодно, «глаза в глаза». Их непосредственное взаимодействие, прямой контакт позволяет присяжному поставить себя на место обвиняемого, попытаться понять его мотивы и на этой основе оценить ситуацию по совести и здравому смыслу. На эту уникальную особенность суда с участием присяжных заседателей в свое время обратил внимание еще К. Миттермайер, отметив, что они «ставят себя в положение обвиняемого и взвешивают обстоятельства, по которым он действовал...»⁴⁰. Схожие мнения можно встретить и в современной научной литературе. Так, Л.М. Карнозова указывает на способность присяжных «понять другого человека как равного»⁴¹.

Отметим также, что это свойство отнюдь не вступает в противоречие с правилом, запрещающим исследовать в присутствии присяжных данные о личности подсудимого (ч. 8 ст. 335 УПК РФ). Они не отождествляют себя с его персоной, а помещают себя в тот социальный контекст, в то преступное состояние, в котором оказался обвиняемый. Это позволяет им в ходе доказывания глубоко понять и прочувствовать произошедшее, учесть здесь все психологические, антропологические, экономические, бытовые нюансы. Таким образом, именно в лице присяжных может быть воплощен нравственный посыл А.Ф. Кони

³⁵ Действительно, если вопрос о виновности понимать исключительно в уголовно-правовом смысле, то зачем его включать в компетенцию обычных граждан (они юридическими знаниями не обладают). Это неправильно. И как можно в таком случае оправдать подсудимого при доказанности его вины?

³⁶ Есаков Г. «Нуллификация» уголовного закона в суде с участием присяжных заседателей // Уголовное право. 2013. № 2.

³⁷ См.: Пашин С.А. Постановка вопросов перед коллегией присяжных заседателей // Состязательное правосудие: труды науч.-практ. лабораторий. М., 1996. Вып. 1 Ч. 1. С. 90.

³⁸ См.: Ветрова Г.Н. Суд присяжных и проблема уголовного судопроизводства // Вестник Московского ун-та. Сер. «Право». 1999. № 3. С. 24, 25.

³⁹ См.: Кони А.Ф. Закон и справедливость. Статьи и речи. М., 2013. С. 363–506.

⁴⁰ Миттермайер К. Европейские и американские суды присяжных, их деятельность, достоинства, недостатки и средства к устранению этих недостатков. М., 1869. С. 514.

⁴¹ Карнозова Л.М. Возрожденный суд присяжных. Замысел и проблемы становления. М., 2000. С. 260.

о том, что судьбе⁴² следует «представить себя в положении судимого человека и сказать себе: “Это тоже ты!”»⁴³.

Рассмотрим этот подход на примере нуллификации закона. Повторим, что здесь мы сталкиваемся с ситуацией, когда присяжные считают, что в данном конкретном случае наказывать подсудимого за содеянное общество не должно. Как отмечал А.М. Бобрищев-Пушкин, с точки зрения закона человек может быть виновным, но не подлежит «согласно данным правосознания присяжных обвинению по суду, даже независимо от характера и возможных размеров ответственности»⁴⁴. В таком случае в правосознании присяжного нравственная составляющая, моральный импульс достигает своего апогея и направляет его к справедливому решению: спасая обвиняемого от несправедливости, он защищает сам себя и в своем лице — своих сограждан, все общество. В этот момент публичный и частный интерес соединяются, устанавливается искомый их баланс, гармония. Происходит духовно-нравственная метаморфоза правосознания присяжного — оно становится проводником социальной справедливости и трансформируется в правосознание социальной направленности.

Естественно, этот процесс характерен не только в отношении нуллификации закона. Например, выше мы отнесли участие присяжных в доказывании к гарантиям защиты публичного интереса. Но с учетом рассмотренной их способности поставить себя на место обвиняемого, можно так же говорить об эффективности их доказательственной деятельности в сфере охраны прав личности. Ведь присяжные, представляя все общество, никак не заинтересованы в обвинении невиновного и рассуждают в духе известного афоризма: «сегодня — ты, а завтра — я»⁴⁵. Вновь мы видим соединение публичных и частных начал, их гармонизацию в правосознании присяжных — в правосознании социальной направленности.

С учетом вышеизложенного приходим к следующему выводу. В суде с участием присяжных заседателей российские граждане получают поистине уникальный правовой опыт, вносят свою лепту в решение вопросов государственной важности и тем самым становятся на защиту интересов личности, общества

и государства. Осознание вовлеченности в этот процесс, непосредственное, деятельное участие в отправлении правосудия в соответствии с велениями нравственности и социальной справедливости качественно, кардинально изменяет их обыденное правосознание, трансформирует его в правосознание социальной направленности. Правовая психология и правовая идеология индивидуума преобразуются, наполняясь новым «сакральным» содержанием: обычный гражданин берет на себя ответственность за судьбу обвиняемого, всего общества в целом — за свою собственную судьбу. Его чувства, эмоции, мнения, убеждения, мысли о праве приобретают четкую психологическую и идеологическую направленность, аксиологическую концентрацию на достижении справедливости. Здесь видим наивысшую степень исследуемого взаимодействия, соприкосновения права и правосознания: крепнет вера самих присяжных и общества в целом в силу и справедливость права, доверие ему, в лице народных судей в этот мир приходит живое, одухотворенное право. Здесь выполняется требование, метко сформулированное Е.А. Фроловой: право необходимо осознать, проверить опытным путем, оно должно быть признано волей человека⁴⁶. В суде присяжных общество получает навык восприятия, осознания и воплощения в жизнь отраженных в праве идей социальной справедливости.

В итоге о суде присяжных мы можем говорить не только как о ценной форме разрешения наиболее сложных, нестандартных уголовно-правовых споров, но и как об институте, способном качественно менять, воспитывать правосознание населения. Как основную «аксиому» развитого правосознания И.А. Ильин определил «закон духовного достоинства»: чтобы испытать и утвердить духовное достоинство, человек должен на деле убедиться в «своей способности к восприятию и осуществлению объективной, высшей ценности»⁴⁷. Российские граждане участвуют в отправлении правосудия в целях претворения в жизнь справедливости, правды. Являются ли эти феномены такими объективными, высшими ценностями? Однозначно. Естественно, это в полной мере касается и профессиональных участников данной формы судопроизводства.

Причем в силу публичного характера уголовного процесса эти ценности здесь востребованы обществом более, нежели в сфере действия частного права. Поэтому именно в суде с участием присяжных заседателей наилучшим образом реализуется воспитательная функция российского уголовного суда в области формирования у населения и у правоприменителя правосознания социальной

⁴² При этом представляется, что требовать такой степени эмпатии от профессиональных судей, конечно же, не следует.

⁴³ Кони А.Ф. Нравственные начала в уголовном процессе // Кони А.Ф. Избр. произв. М., 1956. С. 35.

⁴⁴ Бобрищев-Пушкин А.М. Эмпирические законы деятельности русского суда присяжных. М., 2013. С. 609.

⁴⁵ Такой подход, естественно, применим и к потерпевшему, ни в коем случае нельзя говорить об отсутствии у присяжных эмпатии, сочувствия к нему. Права и свободы потерпевшего также охватываются понятием «индивидуальный, частный интерес», просто на фигуре обвиняемого здесь делается акцент в методологических целях.

⁴⁶ См.: Фролова Е.А. Правосознание (теоретико-философский аспект) // Государство и право. 2011. № 7. С. 22.

⁴⁷ Ильин И.А. О сущности правосознания. С. 148, 149, 159.

направленности. Развитие, совершенствование этой миссии суда присяжных — первостепенная задача. Поиск способов ее решения выходит за рамки сугубо уголовно-процессуальной сферы, он потребует серьезного участия ученых, гражданского общества, государственно-властных институтов. Работы здесь предстоит немало.

Представим наиболее важные ее направления: повышение качества процессуальных механизмов этого института, и прежде всего процедуры формирования коллегии (во избежание последующих отмен приговоров ввиду допущенных здесь нарушений и повторов процессов⁴⁸), укрепление гарантий независимости, объективности, непредвзятости присяжных в условиях информационной открытости современного общества (возможное освещение процесса в социальных сетях, новостных интернет-порталах, по телевидению и т.д.), расширение компетенции суда с участием присяжных заседателей (например, включение сюда уголовных дел о превышении пределов необходимой обороны, о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности и др.), повышение престижа миссии присяжного в обществе и соответственно повышение мотивации граждан выступить в этой роли (государственные награды, льготы, приглашение бывших присяжных на теле- и радиопередачи, создание «клубов» присяжных, в том числе и на интернет-площадках, и др.), правовая пропаганда суда присяжных в юридическом студенческом сообществе — в рамках правового воспитания будущих правоприменителей (встречи с бывшими присяжными и профессиональными участниками процессов в рамках учебных занятий, круглых столов и др.), в конце концов — поиск новых форм привлечения общественности к отправлению правосудия.

* * *

В завершение отметим, что в качестве одного из важных направлений совершенствования отечественной уголовно-процессуальной политики мы видим наиболее полную реализацию конституционного права граждан на участие в отправлении правосудия и формирование на этой основе у населения и у правоприменителя правосознания социальной направленности. Это позволит наполнить уголовный процесс необходимым для общества, ожидаемым со стороны общества духовно-нравственным содержанием, приблизить уголовное судопроизводство к выполнению своего социального предназначения, к достижению гуманизма и социальной справедливости.

⁴⁸ Еще характерный пример, где один из кандидатов в присяжные скрыл информацию о судимости отца (тем самым лишил прокурора возможности заявить мотивированный отвод) и вошел в состав коллегии (см.: Определение Тульского областного суда от 28.12.2020 № 22-3274. URL: <https://e.uogr.ru/npd-doc?npmid=98&npid=76188155>).

В результате правоохранительные органы, судебная власть обретут прочную народную опору, высокую степень доверия со стороны населения. Мы получим качественное изменение, укрепление законности и правопорядка, снижение правового нигилизма и уровня преступности, что, в свою очередь, также послужит развитию правосознания социальной направленности, правовой культуры и в целом — формированию в Российской Федерации правового социального государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бобрищев-Пушкин А.М.* Эмпирические законы деятельности русского суда присяжных. М., 2013. С. 609.
2. *Васильев О.Л.* Теоретические аспекты действия принципа справедливости на досудебных стадиях российского уголовного процесса: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018. С. 11.
3. *Ветрова Г.Н.* Суд присяжных и проблема уголовного судопроизводства // Вестник Московского ун-та. Сер. «Право». 1999. № 3. С. 24, 25.
4. *Головко Л.В.* Презумпция невиновности и англо-американский уголовный процесс: проблемы совместимости // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 4. С. 34.
5. *Джанишев Г.* Суд над судом присяжных. М., 1896. С. 3, 4.
6. *Есаков Г.* «Нуллификация» уголовного закона в суде с участием присяжных заседателей // Уголовное право. 2013. № 2.
7. *Ильин И.А.* О сущности правосознания. М., 1993. С. 148, 149, 151, 159.
8. *Ильин И.А.* Теория права и государства. М., 2003. С. 175, 185.
9. *Карнозова Л.М.* Возрожденный суд присяжных. Замысел и проблемы становления. М., 2000. С. 260.
10. *Кони А.Ф.* Нравственные начала в уголовном процессе // Кони А.Ф. Избр. произв. М., 1956. С. 35.
11. *Кони А.Ф.* Закон и справедливость. Статьи и речи. М., 2013. С. 363–506.
12. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головко. М., 2021. С. 55, 56, 57.
13. *Ляхов Ю.А.* Новая уголовно-процессуальная политика. Ростов-н/Д., 1992. С. 16.
14. *Ляхов Ю.А., Малина М.А.* Сущность конституционного права гражданина на участие в отправлении правосудия // Северо-Кавказский юридический вестник. 2019. № 1.
15. *Малина М.А.* Нравственные основания российского уголовного процесса // Государство и право. 2024. № 1.
16. *Малько А.В.* Правовая политика: актуальные проблемы исследования // Труды ИГП РАН. 2011. № 4. С. 62.
17. *Матузов Н.И.* Правовой нигилизм как образ жизни // Вестник СГЮА. 2012. № 4. С. 26.
18. *Миттермайер К.* Европейские и американские суды присяжных, их деятельность, достоинства, недостатки и средства к устранению этих недостатков. М., 1869. С. 514.

19. *Насонов С.А.* Судебное следствие в суде присяжных: законодательство, теория, практика. М., 2001. С. 29.
20. *Пашин С.А.* Постановка вопросов перед коллегией присяжных заседателей // Состязательное правосудие: труды науч.-практ. лабораторий. М., 1996. Вып. 1. Ч. 1. С. 90.
21. *Полянский Н.Н.* Цель уголовного процесса. Ярославль, 1919. С. 21.
22. *Савенков А.Н.* Вопросы совершенствования уголовного права, процесса и уголовно-правовой политики // Государство и право. 2018. № 3. С. 9.
23. *Савенков А.Н.* Вопросы уголовной политики государства // Пробелы в росс. законодательстве. 2017. № 1. С. 170, 171.
24. *Строгович М.С.* Право обвиняемого на защиту и презумпция невиновности. М., 1984. С. 87.
25. *Строгович М.С.* Проблемы судебной этики. М., 1974. С. 7.
26. *Фойницкий И.Я.* Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1996. Т. I. С. 8.
27. *Фролова Е.А.* Правосознание (теоретико-философский аспект) // Государство и право. 2011. № 7. С. 22.
28. *Packer H.L.* Two models of the Criminal Process // University of Pennsylvania Law Review. November, 1964. Vol. 113. No. 1. P. 6.
9. *Karnozova L.M.* Revived jury trial. Design and formation problems. М., 2000. P. 260 (in Russ.).
10. *Koni A. F.* Moral principles in criminal proceedings // Koni A.F. Selected works. М., 1956. P. 35 (in Russ.).
11. *Koni A.F.* Law and Justice. Articles and speeches. М., 2013. Pp. 363–506 (in Russ.).
12. Criminal trial course / under ed. L.V. Golovko. М., 2021. Pp. 55–57 (in Russ.).
13. *Lyakhov Yu. A.* New Criminal Procedure Policy. Rostov-on-Don, 1992. P. 16 (in Russ.).
14. *Lyakhov Yu. A., Malina M.A.* The essence of the constitutional right of a citizen to participate in the administration of justice // North Caucasian Legal Bulletin. 2019. No. 1 (in Russ.).
15. *Malina M.A.* Moral grounds of the Russian Criminal Process // State and Law. 2024. No. 1 (in Russ.).
16. *Mal'ko A.V.* Legal policy: actual research problems // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2011. No. 4. P. 62 (in Russ.).
17. *Matuzov N.I.* Legal nihilism as a way of life // Herald of the Saratov State Law Academy. 2012. No. 4. P. 26 (in Russ.).
18. *Mittermeier K.* European and American jury trials, their activities, merits, shortcomings and means to eliminate these shortcomings. М., 1869. P. 514 (in Russ.).
19. *Nasonov S.A.* Judicial investigation in a jury: legislation, theory, practice. М., 2001. P. 29 (in Russ.).
20. *Pashin S.A.* Raising questions before the jury // Adversarial justice: the works of scientific and practical laboratories. М., 1996. Iss. 1. Part 1. P. 90 (in Russ.).
21. *Polyansky N.N.* Purpose of the criminal process. Yaroslavl, 1919. P. 21 (in Russ.).
22. *Savenkov A.N.* Issues of improving Criminal Law, Process and criminal law policy // State and Law. 2018. No. 3. P. 9 (in Russ.).
23. *Savenkov A.N.* Issues of criminal policy of the state // Gaps in Russian legislation. 2017. No. 1. Pp. 170, 171 (in Russ.).
24. *Strogovich M.S.* The right of the accused to defense and the presumption of innocence. М., 1984. P. 87 (in Russ.).
25. *Strogovich M.S.* Problems of judicial ethics. М., 1974. P. 7 (in Russ.).
26. *Foinitsky I. Ya.* Course of criminal proceedings. SPb., 1996. Vol. I. P. 8 (in Russ.).
27. *Frolova E.A.* Legal awareness (theoretical and philosophical aspect) // State and Law. 2011. No. 7. P. 22 (in Russ.).
28. *Packer H.L.* Two models of the Criminal Process // University of Pennsylvania Law Review. November, 1964. Vol. 113. No. 1. P. 6.

REFERENCES

1. *Bobrishchev-Pushkin A.M.* Empirical laws of the Russian jury. М., 2013. P. 609 (in Russ.).
2. *Vasiliev O.L.* Theoretical aspects of the principle of justice at the pre-trial stages of the Russian criminal process: dis. ... Doctor of Law. М., 2018. P. 11 (in Russ.).
3. *Vetrova G.N.* Jury trial and the problem of criminal proceedings // Herald of Moscow University. Ser. "Law". 1999. No. 3. Pp. 24, 25 (in Russ.).
4. *Golovko L.V.* The presumption of innocence and the Anglo-American criminal process: compatibility problems // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2016. No. 4. P. 34 (in Russ.).
5. *Dzhanshiev G.* Trial by jury. М., 1896. Pp. 3, 4 (in Russ.).
6. *Esakov G.* "Nullification" of the Criminal Law in court with the participation of jurors // Criminal Law. 2013. No. 2 (in Russ.).
7. *Ilyin I.A.* On the essence of legal consciousness. М., 1993. Pp. 148, 149, 151, 159 (in Russ.).
8. *Ilyin I.A.* Theory of law and state. М., 2003. Pp. 175, 185 (in Russ.).
9. *Karnozova L.M.* Revived jury trial. Design and formation problems. М., 2000. P. 260 (in Russ.).
10. *Koni A. F.* Moral principles in criminal proceedings // Koni A.F. Selected works. М., 1956. P. 35 (in Russ.).
11. *Koni A.F.* Law and Justice. Articles and speeches. М., 2013. Pp. 363–506 (in Russ.).
12. Criminal trial course / under ed. L.V. Golovko. М., 2021. Pp. 55–57 (in Russ.).
13. *Lyakhov Yu. A.* New Criminal Procedure Policy. Rostov-on-Don, 1992. P. 16 (in Russ.).
14. *Lyakhov Yu. A., Malina M.A.* The essence of the constitutional right of a citizen to participate in the administration of justice // North Caucasian Legal Bulletin. 2019. No. 1 (in Russ.).
15. *Malina M.A.* Moral grounds of the Russian Criminal Process // State and Law. 2024. No. 1 (in Russ.).
16. *Mal'ko A.V.* Legal policy: actual research problems // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2011. No. 4. P. 62 (in Russ.).
17. *Matuzov N.I.* Legal nihilism as a way of life // Herald of the Saratov State Law Academy. 2012. No. 4. P. 26 (in Russ.).
18. *Mittermeier K.* European and American jury trials, their activities, merits, shortcomings and means to eliminate these shortcomings. М., 1869. P. 514 (in Russ.).
19. *Nasonov S.A.* Judicial investigation in a jury: legislation, theory, practice. М., 2001. P. 29 (in Russ.).
20. *Pashin S.A.* Raising questions before the jury // Adversarial justice: the works of scientific and practical laboratories. М., 1996. Iss. 1. Part 1. P. 90 (in Russ.).
21. *Polyansky N.N.* Purpose of the criminal process. Yaroslavl, 1919. P. 21 (in Russ.).
22. *Savenkov A.N.* Issues of improving Criminal Law, Process and criminal law policy // State and Law. 2018. No. 3. P. 9 (in Russ.).
23. *Savenkov A.N.* Issues of criminal policy of the state // Gaps in Russian legislation. 2017. No. 1. Pp. 170, 171 (in Russ.).
24. *Strogovich M.S.* The right of the accused to defense and the presumption of innocence. М., 1984. P. 87 (in Russ.).
25. *Strogovich M.S.* Problems of judicial ethics. М., 1974. P. 7 (in Russ.).
26. *Foinitsky I. Ya.* Course of criminal proceedings. SPb., 1996. Vol. I. P. 8 (in Russ.).
27. *Frolova E.A.* Legal awareness (theoretical and philosophical aspect) // State and Law. 2011. No. 7. P. 22 (in Russ.).
28. *Packer H.L.* Two models of the Criminal Process // University of Pennsylvania Law Review. November, 1964. Vol. 113. No. 1. P. 6.

Сведения об авторе

МАЛИНА Максим Александрович — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Южного федерального университета; 344002 г. Ростов-на-Дону, ул. М. Горького, д. 88

Authors' information

MALINA Maxim A. — PhD in Law, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminology, Faculty of Law, Southern Federal University; 88 M. Gorky str., 344002 Rostov-on-Don, Russia